

Татьяна Николаева

Проблема происхождения русского литературного языка в свете концепций европейских ученых

Studia Rossica Posnaniensia 25, 207-216

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ ЕВРОПЕЙСКИХ УЧЕНЫХ

THE ORIGIN OF RUSSIAN LITERARY LANGUAGE ACCORDING TO THE VIEWS OF EUROPEAN SCHOLARS

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВА

ABSTRACT. In the study the still unsolved problem of the origin of Russian literary language has been examined. The analysis reflects the views of several European scholars, such as B. Unbegaun, A. Isachenko, G. Huttl-Folter, W. Boek and A. Bartoszewicz.

Татьяна Николаева, Казанский университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Кафедра русского языка, 420008 Казань, ул. Ленина 18, Россия.

В одном из журналов „Вестник Европы” 1813 года читаем: „Начало перводревнего языка российского... покрыто завесой тайны, и намереваться рассеять хаос... есть покушение столь же отважное, сколь и бесплодное”¹. Более чем 150 лет спустя Ф.П. Филин напишет: „Можно сказать, что в данном случае мы имеем дело с одной из так называемых вечных проблем русистики и славистики, окончательное решение которой еще не близко”².

Казалось бы, указанная проблема сводится к решению одного основного вопроса: какой была основа русского литературного языка – собственно русская или церковнославянская, однако по мере ее исследования появляется необходимость ответить на такие вопросы, как: можно ли считать литературным язык эпохи Киевской Руси или же его нормированность и обработанность связаны с началом формирования языка русской нации: первичность устной или письменной разновидностей, их взаимодействие на разных этапах развития; статус языка делопроизводства в донациональный период; целесообразность рассмотрения сосуществования церковнославянских и восточнославянских элементов с точки зрения билингвизма, диглоссии или стилистической вариантности и др.

---

¹ „Вестник Европы”, Москва 1813, № 68, с. 23.

² Ф. П. Филин, *Генетический и функциональный статус современного русского литературного языка*, „Вопросы языкознания” 1977, № 4, с. 5.

Естественно, что, будучи весьма сложной, эта проблема привлекает внимание многочисленных ученых, в том числе и европейских. Известно, что с начала XX века и до середины 30-х годов в лингвистической науке была чрезвычайно распространена теория А. А. Шахматова об истоках русского литературного языка. Принято считать, что продолжателем ее был Б. Унбегаун. Согласно мнению А. А. Шахматова, литературный язык был перенесен в Древнюю Русь из Болгарии и был церковнославянским. В дальнейшем он русифицировался, впитывая в себя русские речевые элементы и теряя свое иноземное обличье, о чем свидетельствуют памятники XI века. Уже тогда произношение церковнославянского обрусело, утратило чуждый русскому слуху характер, в связи с чем А. А. Шахматов делает весьма важный вывод: „Русские люди обращались с церковнославянским как со своим достоянием, не считаясь с его болгарским происхождением”³.

Основной тезис Б. Унбегауна: „Современный русский литературный язык продолжает никогда не прерывавшуюся традицию литературного языка Киевской, удельной и Московской Руси, т.е. языка церковнославянского”⁴. Он считает, что А. А. Шахматов непоследователен, т.к., „определив русский литературный язык как русифицированный церковнославянский, в дальнейшем посвящает целую главу церковнославянским элементам в этом языке, в то время как, оставаясь логичным, он должен был бы говорить о церковнославянской базе русского литературного языка и русских элементах в нем”. Из этого следует вывод: „Тут, очевидно, А. Шахматов попал (невольнo и вопреки собственной концепции) под влияние господствовавшего и господствующего до сих пор взгляда на современный русский язык как на исконно русский, но впитавший в себя церковнославянские элементы”⁵.

Прежде всего, обращает на себя внимание необъективность Б. Унбегауна в суждении о господстве русской, восточнославянской основы, которая появилась много позднее и связана с именем С. П. Обнорского⁶. Кроме того, от прямолинейной логики А. А. Шахматов вынужден отступить под действием фактического материала: действительно в Древней Руси существовали не только церковно-богослужебные, но и письменные памятники, связанные с делопроизводством – факт

---

³ А. А. Шахматов, *Очерк современного русского литературного языка*, Москва 1941, с. 60.

⁴ Б. Унбегаун, *Историческая грамматика русского языка и ее задачи*. В сб.: *Язык и человек*. Сборник статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова, Москва 1970, с. 263.

⁵ Там же.

⁶ С. П. Обнорский, *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода*, Москва–Ленинград 1946.

признанный и не вызывающий сомнений. Б. Унбегаун имеет на этот счет свои соображения: „Прискорбная терминологическая путаница! – замечает он. – Присвоение утилитарному юридическому и административному языку названия литературного должно вызвать возражение”⁷. Получается достаточно парадоксальная ситуация: русские люди не имели своего языка? Оказывается, не совсем так. Для XI-XIV веков проблема „своего”, исконно русского литературного языка существовала, но... в „низких” жанрах – летописях и паломничествах, где церковнославянизмы и русизмы настолько смешивались, что „иногда трудно было определить, написан ли данный литературный отрывок на русифицированном церковнославянском или на славянизированном русском языке (нелитературные части летописи написаны, конечно, на русском, вернее, восточнославянском языке)”⁸.

Предлагается следующая схема развития литературного языка. Со вторым южнославянским влиянием укрепляются позиции церковнославянского, он – единственно литературный язык в Московском государстве⁹. В XVIII-XIX веках исчез не только старый деловой язык, но и сам разговорный, когда „образованные русские люди стали пользоваться общенациональным русифицированным церковнославянским языком для разговорных целей”¹⁰. В отличие от А. А. Шахматова, ограничивавшего воздействие церковнославянского X-XI вв., Б. Унбегаун утверждает не только церковнославянское происхождение современного русского языка, но и сегодняшнее его состояние: „Всякого рода новообразования типа: здравоохранение, соцсоревнование, истребитель, хладотехника – типичные церковнославянизмы, поскольку они созданы по меркам церковнославянского языка, вовсе не свойственного русской народной речи. Между народной речью и тепершним национальным церковнославянским – серьезный разрыв, своего рода пропасть. В результате Б. Унбегаун замечает: „Парадоксально, исторические грамматики русского языка описывают эволюцию языка, обреченного на вымирание и не имеющего генетической связи с современным русским литературным языком”¹¹.

Закономерно возникает вопрос: что же в этом церковнославянском русифицировано? По Унбегауну – фонетика и почти вся морфология.

---

⁷ Б. Унбегаун, *Русский литературный язык. Проблемы и задачи его изучения*. В сб.: *Поэтика и стилистика русской литературы*. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова, Ленинград 1971, с. 330.

⁸ Там же.

⁹ Б. Унбегаун, *Язык русского права*. In: *Selected Papers on Russian and Slavonic Philology*, Oxford 1960, с. 314.

¹⁰ Там же.

¹¹ Б. Унбегаун, *Историческая грамматика...*, с. 264.

Не поддается русификации лексика, словообразование и синтаксис. Подобные утверждения считает абсурдными Л.П. Жуковская. Изучая язык переводных древнейших памятников, она отмечает варьирование восточнославянских и церковнославянских вариантов широкого круга слов. Так, в *Мстиславовом Евангелии*: *поток* – *вода*, *ковчег* – *корабль*, *украшать* – *утварять*, *нарицати* – *звати*, *кончание* – *кончина* – *конец*, *олтарь* – *требник* – *жертвенник*, *воспрянути* – *встати* и др. На этом основании она делает вывод: „Словарь бытовавших на Руси церковнославянских памятников уже в XII веке представлен в высшей степени разнообразными и неустойчивыми образцами, находящимися в движении. Не было единого словаря этих памятников, который впоследствии развивался бы по единому руслу вплоть до наших дней”¹².

Чтобы принять точку зрения Б. Унбегауна, необходимо ответить на целый ряд вопросов: 1) Почему церковнославянский, в IX-XI вв. обслуживающий культовое начало всего славянства, только в России превратился в национальный язык русского народа? Целесообразно привести высказывание чешского ученого В. Мареша, который исследовал прачешский (моравский) язык и категорически утверждал, что в основу дальнейшего развития моравского языка на территории Чехии лег не старославянский, а его великоморавский вариант. При этом он привел множество примеров, свидетельствующих о специфике древнеморавского языка в фонетике, словоизменении, лексике, словообразовании¹³. О самобытности староболгарского языка, существовании у болгар своей письменности говорит и С.Б. Бернштейн, оперируя данными языка Валашских грамот¹⁴.

2) Если отрицать активное участие русской народной речи (главного компонента) в формировании единого национального языка, то это значит игнорировать фактические свидетельства русской культуры, истории языка и общества.

3) Все славянские литературные языки вышли из народных говоров и на них опирались в своем развитии. Почему же научное мышление должно отказываться от очевидных фактов во имя поставленной цели – признания церковнославянского начала именно по отношению к русскому литературному языку?

Ахиллесова пята этой концепции: исследователь вычеркнул из категории литературного языка все им названные „низкими” жанры

¹² Л.П. Жуковская, *О некоторых вопросах истории русского литературного языка древнейшего периода*, „Вопросы языкознания” 1972, № 5, с. 13-15.

¹³ В. Мареш, *Древнеславянский литературный язык в великоморавском государстве*, „Вопросы языкознания” 1961, № 2, с. 14.

¹⁴ С.Б. Бернштейн, *Разыскания в области болгарской исторической диалектологии*, т. 1, Москва-Ленинград 1948, с. 11.

древнерусской письменности и оставил в ее пределах только церковную литературу. Нелитературными оказались: *Повесть временных лет*, *Слово о полку Игореве*, *Поучение Владимира Мономаха*, *Задонщина* и другие летописные и светские произведения древности. Не обращено внимания на переломный период середины XVII столетия – появление демократической сатиры и произведений Аввакума, способствующих разрушению церковно-книжного стиля и нейтрализации церковнославянизмов. Не учтена великая стилистическая реформа М. В. Ломоносова, равно как не придано значения филологической деятельности А. С. Пушкина. В результате появилась крайне односторонняя схема, искажающая действительную историю языка. А отсюда – парадоксальность ситуации, при которой язык *Сказания о Борисе и Глебе* и язык произведений К. Паустовского оказались на одном уровне развития. За всей тенденциозностью концепции видна определенная задача – внушить, распространить мысль, что русский литературный язык – не создание русского народа, а явление, заимствованное со стороны.

Вероятно, ту же цель преследовал и А. В. Исаченко, который утверждал французский источник русского литературного языка. Интересно, что концепцию Б. Унбегауна он считал поверхностной, несостоятельной, но сходилась с ним в одном, что надо покончить с ложной идеей самобытности русского языка. Правда, в своих ранних работах в 50-е годы он говорил, что бытовой язык образованных русских был близок народному языку¹⁵. В конце 60-х–70-х годов его взгляды изменились: по его мнению, до середины XVIII века вообще не было никакого литературного языка, была только его предыстория в виде русской письменности. Его теория: XVIII век – новорусский язык, с начала XIX века – современный. В XI веке литературного языка не было, были только две различные системы: богослужебно-литературный язык южнославянского происхождения и деловой обиходный (нелитературный). Русь была изолирована от просветительского Запада, коснела в азиатстве. В отличие от „немцев и литовцев, чехов и словенцев, шведов и венгров” и прочих „культурных народностей” русские не получили даже Библию на их простонародном языке. В XVI–XVII вв. дикое средневековье достигло на Руси своего апогея. Григорий Котошихин, автор известного произведения *О России в царствование Алексея Михайловича* стал известен читателю только 250 лет спустя; закоренелый обскурант и мракобес Аввакум был в языковом отношении мер-

---

¹⁵ А. В. Исаченко, *Ответ на вопрос: „Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов”*. В кн.: IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по языкознанию, Москва 1958, с. 27.

творожженным детищем, вирши XVII века не имели никакой эстетической ценности и т.д.

В XVIII веке Россия повернулась к Западу с его высоким развитием духовной и языковой культуры. Понадобился свой литературный язык и русским, но откуда его взять? Церковнославянский не годился – он был вытеснен в сферу литургического обслуживания. Деловой – примитивен, консервативен, не поддавался никаким влияниям. Воцарился языковой хаос – это был период языковой дезориентации, бессистемной смеси канцеляризмов, церковнославянизмов, неологизмов, заимствований, диалектизмов – словом, языковой пустоты, безъязычия. Попытки Третьяковского, Ломоносова нормализовать язык были неудачными и никаких положительных результатов не дали. Полный разрыв всех традиций! И только тогда, когда русское дворянское общество овладело французским высокоразвитым языком, возникли предпосылки для создания русского литературного языка.

Вероятно, „новый слог” Н.М. Карамзина, призванный включить русский язык в систему европейской цивилизации путем сближения с наиболее культурными и развитыми языками Европы, в первую очередь – с французским, позволил А.В. Исаченко утверждать, что русский литературный язык возник заново на пустом месте для удовлетворения нужд высокого сословия. Французский лег в его основу и сыграл роль „великого наставника и катализатора”, был инженером, построившим искусственные каналы по французским планам, которые по мере надобности пополнялись церковнославянской или русской „водой”. Никакого слияния русской и церковнославянской стихий, о которой столь много размышляли ученые, не было.

Как считает А.В. Исаченко, роль А.С. Пушкина также значительно преувеличена. Он лишь перевел в художественный план язык, созданный придворными кругами по французской модели. Между деятельностью Пушкина и его предшественниками не было никакой связи. Была пропасть между образованной элитой и безграмотной массой, не знающей литературного языка. Русскую нацию представляло только высшее дворянство. Русский литературный язык, скопированный с французского, но получивший „русский колорит”, стал достоянием всех грамотных русских людей¹⁶. Как кажется, в данном случае комментарии излишни.

Некоторые зарубежные лингвисты языковую ситуацию древней Руси решили трактовать в плане диглоссии, признаки которой, как известно,

¹⁶ A.V. Isatschenko, *Vorgeschichte und Entstellung der modernen russischen Literatursprache*, „Zeitschrift für slavische Philology” 1974, XXXVII, с. 235-274.

сформулировал востоковед Чарльз Фергусон¹⁷, проводивший изучение арабского, современного греческого, швейцарского, немецкого и креольского языка Гаити. Согласно этой теории, члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, который реализуется в двух ипостасях: высокой – престижной, книжной, обработанной нормированной и низкой – некнижной, непрестижной, необработанной, ненормированной, тогда как для внешнего наблюдателя естественно видеть в данной ситуации два разных языка. От двуязычия диглоссия отличается рядом признаков: недопустимость церковнославянского как средства разговорной речи, невозможность существования текстов с одним содержанием, запрещение перевода сакральных текстов, отсутствие кодификации разговорного языка. У двух этих разновидностей различная сфера употребления, они не пересекаются.

По этому пути Ч. Фергусона пошли наш соотечественник Б. А. Успенский¹⁸ и австрийский лингвист Г. Хюттль-Фольтер¹⁹. Хюттль-Фольтер нашла в языке Древней Руси как будто все признаки диглоссии и сравнила языковую ситуацию XI–XIV вв. с языковой ситуацией Франции до начала IX века. Однако выводы она делает чисто умозрительно, не на основании всесторонне изученных фактов. Исследуя летописный материал – конгломерат различных стилей и жанров, демонстрирующий весьма пеструю картину в использовании языковых элементов, она вынуждена делать целый ряд отступлений. Теперь уже церковнославянский „оказался недостаточным инструментом для выражения всего диапазона восточнославянской действительности, что привело к образованию смешанного языка летописей”. Ей приходится признать, что, когда *Повесть временных лет* рассказывает о восточных славянах, их походах, о Руси, то становятся обычными восточнославянские личные имена, этнические реалии, географические названия, русские реалии в широком смысле, не имеющие церковнославянских эквивалентов²⁰.

Если бы Хюттль-Фольтер расширила объект своих исследований, то ей, вероятно, пришлось бы отказаться от теории диглоссии, которая явно ущербна прежде всего в силу следующих моментов: 1) Остается неясным, ставится ли знак равенства между восприятием в языковом коллективе (разнородном по своему социальному составу) и реальном функцио-

¹⁷ Ch. A. Ferguson, *Diglossia*, „Word” 1959, v. 15, с. 325-340.

¹⁸ Б.А. Успенский, *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение*, Москва 1983.

¹⁹ Г. Хюттль-Фольтер, *Диглоссия в древней Руси*, „Wiener slavistisches Jahrbuch” 1978, т. 24, с. 108, 125.

²⁰ Г. Хюттль-Фольтер, *Спорные проблемы изучения литературного языка в древнерусский период*, „Wiener slavistisches Jahrbuch” 1973, т. 18, с. 47.

нировании двух языков как одного; 2) Почему для лингвистов и внешних наблюдателей естественно видеть языковую ситуацию не такой, какой ее воспринимают члены языкового коллектива; 3) Теории диглоссии противоречат памятники, в которых смешаны восточнославянские и церковнославянские элементы (летописи, памятники собственно литературного стиля). Кроме того, если понятие языковой нормы связано исключительно с книжным языком, то как быть с произведениями типа *Слова о полку Игореве*, написанном, как известно, на фольклорной основе? 4) Неясно, что иметь в виду в качестве необработанных, низших форм языка? 5) Если допустить ту дистанцию, которая существует между языком культовым, книжным и некультовым, некнижным, то при отсутствии их взаимодействия, о котором заявляют сторонники диглоссии, невозможен языковой прогресс. 7) В конечном счете концепция диглоссии неизбежно приведет к признанию двуязычия. Да и сама теория Ч. Фергусона непоследовательна в противопоставлении диглоссии двуязычию, т.к. диглоссия обычно оценивается как одно из проявлений двуязычия, между ними невозможно провести границу.

Недостаточная изученность фактического материала, априорность и механистическое перенесение диглоссии на ситуацию древней Руси — делают эту теорию несостоятельной.

В 1974 году появилась коллективная монография Боека (Воеск), Флекенштейна, Фрейданка *История русского литературного языка*²¹, в которой, к сожалению, практически не затрагивается интересующая нас проблема. Авторы ограничиваются критикой теории В.В. Виноградова²² о двух типах русского литературного языка, но не дают своего решения проблемы. Достаточно много внимания уделено в монографии рассмотрению специфики функционирования старославянского как стилистически ограниченного, не играющего роли в системе коммуникации²³.

Предлагая объективный обзор различных точек зрения, касающихся проблемы происхождения русского литературного языка, автор учебника для польских студентов-русистов А. Бартошевич, „учитывая новейшие исследования языковедов разных стран мира”, приходит к признанию двуязычия. В главе „Роль старославянского языка в истории развития русского литературного языка” ученый говорит о чрезвычайной близости этих двух языков, которые „даже совпадали в отношении

²¹ W. Boeck, Fleckenstein, Freydank, *Geschichte der russischen Literatursprache*, Leipzig 1974.

²² В.В. Виноградов, *Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка*, Москва 1958.

²³ W. Boeck и др., ук.соч., с. 17.

грамматического строя и основных слоев лексики". Эта близость, как утверждает автор, обусловила возможность использования церковнославянизмов со стилистическими целями. В этом случае церковнославянизмы не выражали новых понятий, а представляли собой синонимы, дублиеты к древнерусским словам и формам²⁴.

Противоречивость этой концепции очевидна: с одной стороны, существование двух языков, с другой – высокая степень их структурной тождественности, что создает возможность для писцов использовать их как стилистические варианты.

До сегодняшнего дня являются распространенными точки зрения ученых, что происхождение русского литературного языка болгарское, что письменная форма древнерусского языка – старославянская, что русский язык древней поры надо рассматривать как совокупность русского разговорного и церковнославянского письменного, что о происхождении русского литературного языка надо говорить с середины XVII века или начиная с эпохи Москвы, когда происходило размежевание двух языковых стихий²⁵.

Очевидно, настало время пересмотреть взгляды на старославянский как на язык, служащий средством коммуникации, речевого общения, определить его специфику по отношению к русскому (старославянский не имел народа-носителя, территории, не обладал поливалентностью). Следует обратиться и к свидетельствам памятников, которые, с одной стороны, указывают на общеславянские функции старославянского (Бъ бо единъ языкъ словѣнскъ – *Троицкая летопись*), с другой – свидетельствуют о восприятии старославянского не как иноземного, а близкого, родственного („А словѣнск языкъ и русьской едино есть – *Лаврентьевская летопись*, запись 897 г.), что определило условность границ между ними, в связи с чем русские книжники, прекрасно знающие старославянизмы, использовали их как равноправные, как арсенал речевых средств для создания торжественного, возвышенного стиля, для стилистической нюансировки. Возникает своеобразная ситуация: древние писцы стараются показать восприятие церковнославянского и восточнославянского как одного языка, а ученые, в том числе и ервопейские, вопреки реальному языковому сознанию древнего человека, порождают многочисленные гипотезы, концепции, теории. Предлагаемое решение проблемы поставило бы точку над „i” в теории двуязычия и позволило бы объяснить использование в пределах одного произведения старославянских и восточнославянских элементов.

²⁴ А. Бартошевич, *История русского литературного языка*, Warszawa 1979, с. 33-39.

²⁵ J. Rieger, *Problem pochodzenia rosyjskiego języka literackiego – problem okresu Państwa Moskiewskiego*, „Slavia Orientalis” 1975, т. 24, № 1, с. 57-59.

Как видим, несмотря на большой вклад европейской русистики в разрешение проблемы происхождения русского литературного языка, вопрос остается открытым. Необходимо на объективную почву исследований поставить комплекс проблем этнического, географического, исторического характера. И особо должен быть решен вопрос об истории и судьбе славянизмов в древнерусском литературном языке.